

Эффект Веры Засулич, или Новые приключения неуловимого

*(дело о покушении
на депутата
Саратовской областной
думы Сергея Курихина)*

Оправдательный вердикт:
вероятные причины
и возможные последствия

16 августа 2013 года в Саратовском областном суде произошло событие, которое с полным основанием можно считать как правовой, так и политической сенсацией. Коллегия присяжных заседателей вынесла оправдательный вердикт двум подсудимым, обвинявшимся в заказе на убийство и организации покушения на депутата Саратовской областной думы Сергея Курихина, а также в ряде иных особо тяжких преступлений. Были оправданы по всем статьям предъявленных им обвинений и освобождены прямо в зале суда нижегородский предприниматель Михаил Майоров и безработный житель Нижнего Новгорода Николай Шаров. Третий подсудимый — тридцатилетний Юрий Платицын — признан виновным лишь

в приобретении, перевозке и хранении огнестрельного оружия и в совершении убийства общеопасным способом охранника Михаила Савченко. Именно Платицын подстерег в глухом проулке 1-го Вакуровского проезда «Мерседес» Курихина и расстрелял его из самодельного пистолета-пулемета «Борз» чеченского производства. Как было установлено впоследствии, по автомобилю депутата и находящимся в нем людям было выпущено 14 пуль. Следует отметить, что в ходе предварительного следствия и в показаниях, данных им в суде, киллер признавал, что именно он выпустил очередь по автомобилю Курихина. Поэтому оправдать Юрия Платицына по этим пунктам предъявленного обвинения присяжные, оставаясь непредвзятыми и порядочными людьми, никак не могли. Тем не менее, как по обвинению с оружием, так и по эпизоду с покушением, при-

сяжные признали Юрия Платицына заслуживающим снисхождения. Это означает, что, вынося свой приговор по данному уголовному делу, судья Саратовского областного суда Алексей Егоров не вправе назначить такому подсудимому более двух третей от максимальной меры наказания, которую за данное преступление предусматривает УК. Таковы вкратце итоги вердикта, относящиеся к степени виновности подсудимых.

При этом присяжные признали доказанными все перечисленные в обвинении события преступления, за исключением создания банды. Но отвергли тот факт, что данные преступления были совершены в группе по взаимной договоренности всех трех подсудимых.

На мой взгляд, вынесенный вердикт коллегии присяжных заслуживает быть признанным одним из главных событий местной политической жизни. По-

Подсудимые Михаил Майоров и Николай Шаров еще не подозревают, что будут оправданы присяжными

сы, поэтому на основе личного опыта могу засвидетельствовать: такой непредвзятой и объективной работы присяжных ранее мне видеть не доводилось. В последний месяц коллегия состояла из 12 основных и 4 запасных заседателей. Так вот, 8 из 16-ти постоянно вели записи. То есть люди не полагались ни на свою память, ни на то, что многие из оглашенных доказательств впоследствии будут повторены в ходе прений или напутственного слова председательствующего. (Для сравнения: на проходящем параллельно в том же областном суде уголовном процессе в отношении бывшего главы Энгельсского района Михаила Лысенко пишущей я заметил лишь одну присяжную). Это что касается обвинений в отсутствии гражданской позиции. А теперь пара реплик по поводу низкого уровня правосознания и незнания правовых азов. Присяжные — это судьи факта. Поэтому, даже по закону, они не вправе вникать в юридические аспекты предъявленного обвинения. Что же касается самой логики вердикта, в нем не усмотрел никаких противоречий не только я, но и такой блестящий профессионал, как судья Саратовского областного суда Алексей Егоров, председательствующий на данном процессе. На мой взгляд, заседатели работали безупречно, а вынесенный ими оправдательный вердикт стал результатом вопиющего противоречия между предложенным обвинением мотивом преступных деяний и фактическими обстоятельствами дела.

В результате, как мне представляется, присяжные пришли к выводу, что мотивом преступлений, сформулированных в обвинении, было отнюдь не желание нижегородского предпринимателя Михаила Майорова завладеть бизнесом своего друга и партнера Андрея Белова, а после посягнуть на земельные участки и деньги, за которыми как-то не совсем четко просматривалась фигура депутата Курихина. Лично я склонен объяснять оправдательную логику вердикта тем, что присяжные посчитали произошедшие и описанные в обвинении преступления следствием серьезного бизнес-конфликта двух «криминальных прачечных». Причем за каждой стоял человек, имеющий в данном процессе официальный статус потерпевшего. Уверен, к такому выводу заседатели вполне могли прийти как благодаря фактам следствия, прозвучавшим на процессе, так и своему жизненному опыту. Ведь дела депутата Курихина известны очень многим саратовцам, а имя Сергея Георгиевича неоднократно фигурировало в самых разных вариациях в связи с различными уголовными процессами.

Особо хотелось бы возразить на замечания о запуганности коллегии, источником которых стал адвокат Сергея Курихина Валерий Холоденко. Во-первых, не очень понятно, кто и с какой целью даже чисто гипотетически мог запугивать саратовских присяжных? Все подсудимые — жители Нижегородской области и к началу судебного процесса были фактически разорены. Не было у них ни средств, ни возможностей оказывать какое-либо воздействие на присяжных. Шаров и Платицын не могли оплатить даже услуги своих защитников. А потому их защищали адвокаты по назначению. Но даже если предположить невероятное, что правоохранители задержали

не всех членов банды и кто-то остался гулять на свободе, вряд ли бы этот кто-то стал «светиться», приезжать в Саратов узнать имена и адреса местных присяжных, чтобы впоследствии запугивать их. Эту версию опровергли сами заседатели. Да и судья Алексей Егоров, перед тем как произнести напутственное слово, задавал коллегии вопрос о возможном оказании на кого-либо из них противозаконного воздействия. И получил отрицательный ответ.

Но наиболее убедительное доказательство, опровергающее утверждение о запугивании, — сценка, которую мне довелось наблюдать уже после оглашения вердикта присяжных. Естественно, как того и требует закон, председательствующий освободил из-под стражи оправданных Майорова и Шарова прямо в зале суда. Они ждали в коридоре, когда старший конвоя подпишет у судьи и оформит все необходимые документы. Михаила Майорова встретили супруга Ирина и дочь Настя. А вот Николай Шаров стоял один. Когда мимо экс-заключенных стали проходить заседатели, оправданные непроизвольно потянулись к ним, кланялись и благодарили. В эмоциональном порыве некоторые женщины-присяжные бросились обнимать только что освобожденных узников. Очевидно, в ходе процесса Майоров и Шаров стали восприниматься либо как люди, бросившие открытый вызов режиму номенклатурной клептократии, либо как оказавшиеся на скамье подсудимых в роли «козлов отпущения». При этом потерпевшие — депутат Сергей Курихин и бизнесмен Андрей Белов — выступали как ярчайшие представители этого режима, к тому же, отягощенные сомнительным бэкграундом. Что касается Сергея Курихина, связанные с его деятельностью скандалы, так или иначе, выплескивались в публичную сферу, о них говорили, писали, в том числе и на страницах выпускаемого им еженедельника «Саратовский Взгляд». И хотя с начала 2013 года это издание перестало выходить в бумажном варианте, память о нем останется надолго. Думаю, Курихин перестал бы быть Курихиным, если бы и в этом процессе не продемонстрировал очередной финт с претензией на медийную креативность.

Поначалу журналисты из «Взгляд-инфо» на процессе не присутствовали. Это вызвало недоумение. Но адвокат Валерий Холоденко, представитель Курихина, пояснил: принято решение воздержаться от освещения процесса в изданиях, финансируемых потерпевшим депутатом, из этических соображений.

Однако в различных СМИ стали появляться заметки. Среди них встречались и забавные, в которых, со ссылкой на свидетельские показания охранников Курихина в суде, сообщалось, что они осуществляли охрану не депутата, а имущества ООО «Каштан». Ситуация дрейфовала в сторону открытого трагифарса. При таком раскладе главная жертва покушения, к тому же, с депутатским мандатом, превращалась в неодоушвенное имущество, принадлежащее фирме, которая формально к Сергею Георгиевичу никакого отношения не имела: согласно официальным данным, учредителями ООО «Каштан» являются две дамы. В результате этих публикаций прежний этический императив отступил на задний план, а на передний выдвинулся голый прагма-

чему именно политической, я поясню немного позже. А пока мне хотелось бы выразить несогласие с профессиональными юристами, которые после вынесения вердикта стали раздавать комментарии СМИ и обвинять коллегию присяжных в непредсказуемости, гражданской незрелости и отсутствии знания «профессиональных азов» (адвокат Елена Сергун) или даже говорить об их запуганности (адвокат Валерий Холоденко). Были попытки объяснить столь сенсационный вердикт ошибками и недоработками следствия (адвокат Станислав Зайцев).

Как человек, присутствовавший практически на всех судебных заседаниях этого непростого, длившегося почти три месяца процесса, возражу господам комментаторам. На протяжении последних семи лет мне как журналисту приходится регулярно посещать и освещать различные судебные процес-

Процессуальные оппонентки-курительницы: адвокат Лариса Гаулейко и гособвинитель Ольга Чернова. Явилось ли их курение способом воздействия на присяжных?

тизм. И с июля журналисты «Взгляда» стали приходиться в суд регулярно. Сам Курихин появился всего один раз, и то после неоднократных напоминаний председательствующего Валерию Холоденко, что его клиент должен дать показания. Выступая в суде, Сергей Георгиевич не преминул заявить, что считает главным заказчиком имевшего место 9 июня 2011 года покушения другого потерпевшего — бизнесмена Андрея Белова.

Под самый занавес, когда с показаниями уже выступили все подсудимые, адвокат Холоденко огласил ходатайство своего клиента. В нем Сергей Курихин, ссылаясь на прозвучавшие накануне показания киллера Платицына, просил возбудить уголовное дело в отношении Андрея Белова. Следует пояснить, что, по закону, суд не является органом уголовного преследования. Это означает, что он не вправе самостоятельно возбуждать уголовные дела, определять подозреваемых или обвиняемых. Опытный и высококвалифицированный юрист Валерий Холоденко, более трех десятков лет преподающий уголовное право в Саратовской юридической академии, просто не мог не знать таких процессуальных азов. Очевидно, что инициатором подобных абсурдных ходатайств был г-н Курихин, предпочитающий комфорт загородных вилл духоте судебного зала. Уверен, неоднократными декларациями в зале суда и мушкетированием в кулуарах тезиса, что истинным заказчиком покушения на Курихина и убийства охранника Михаила Савченко был Андрей Белов, сторона потерпевшего депутата стремилась добиться прежде всего пропагандистско-запугивающего эффекта. Вероятной целью подобного поведения в процессе стало бы дальнейшее морально-психологическое наступление на Андрея Белова и его бизнес в случае, если бы вердикт всем трем подсудимым оказался обвинительным. А в том, что он таковым и будет, «курихинские» в начале процесса практически не сомневались.

Собственно, жажда получения неких материальных компенсаций оказалась столь велика, что сыграла с Сергеем Георгиевичем злую шутку. По-видимому, Курихину и его адвокату удалось не только убедить многих из присутствующих в зале суда в преступ-

ных наклонностях Белова, но и продемонстрировать собственную моральную нечистоплотность. Особенно ярко это проявилось, когда в суде со своими свидетельскими показаниями выступила супруга потерпевшего бизнесмена — Елена Белова. Среди прочего, Елена Викторовна рассказала о своих личных встречах с Сергеем Курихиным и упомянула, что инициатором их знакомства был еще один потерпевший по данному уголовному делу — саратовский строитель Александр Ермолаев. Судя по показаниям Елены Беловой, ее встречи с Курихиным проходили в разных местах: ресторане «НВ», офисе депутата на Московской и даже в «высотке» на Ильинской площади, где на 17-м этаже находятся офис Елены Беловой и возглавляемая ею организация «Мастерская славянских чаровниц». На первой встрече с Беловой, которая состоялась вскоре после задержания подозреваемых в покушении на Курихина, Сергей Георгиевич был сама лютость. Во всяком случае, он заявил Елене Викторовне, что к «Белову у него вопросов нет», хотя до сих пор не понимает некоторых нюансов произошедшего.

На последующих встречах с Беловой тон бесед начал меняться:

«Депутат Курихин начал говорить мне, что погиб человек (имелся в виду охранник Михаил Савченко. — Авт.), у которого остались двое детей. Их надо воспитывать, растить, поэтому мне следует оказать семье погибшего материальную помощь».

Правда, глава «славянских чаровниц» оказалась «крепким орешком». Она ответила, что сама мать, на печении которой несколько детей; при этом в прошлом году она едва не потеряла мужа — Андрей Белов получил травму головы, последствия которой могут сказаться как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе. По всему она не считает себя обязанной оказывать материальную помощь семье Михаила Савченко. Иными словами, Елена Викторовна решительно отказала Сергею Георгиевичу в его просьбе. Однако этот отказ не только не привел к прекращению контактов, но даже наоборот. Елена Белова сообщила, что в одну из ее последних встреч с депутатом Курихиным тот прямо ей заявил: *«Поскольку именно ваш муж привел Михаила Майорова в наш город, вы должны мне крупную сумму денег».*

Следует отметить, что выступление свидетеля Беловой неоднократно прерывалось вопросами с явно провокационным подтекстом: *«Передавалась ли вам записка о необходимости подкупа председателя областного суда?»* или *«Передавали ли вы через Майорова деньги в виде взятки в Минатом?»*. Как возникли подобные вопросы? И почему они прозвучали именно в ходе свидетельских показаний Беловой? Со стороны ответить довольно сложно. Могли лишь предположить, что еще задолго до судебного процесса между лицами, представлявшими два лагеря потерпевших, шел какой-то закулисный, не имеющий никакого отношения к законности и справедливости, торг. Судя по обстановке на процессе, прийти к какой-либо взаимоприемлемой и устраивающей обе стороны договоренности так и не удалось. В итоге отголоски обид и претензий выплеснулись в зал судебного заседания. Что же, Сергея Георгиевича можно поздравить.

Выработанная им и активно претворяемая в жизнь тактика нашла отклик у присяжных. Правда, судебный вердикт звучал как известная цитата «Чума на оба ваших дома!».

Впрочем, заглянув в историю российской юриспруденции, можно обнаружить не только литературные, но и исторические аналогии. На мой взгляд, несмотря на разность эпох, а также особенностей личности подсудимых и потерпевших, логика оправдательного вердикта по «делу Веры Засулич» сходна с делом о покушении на Сергея Курихина.

Напомню, в 1878 году коллегия присяжных оправдала Веру Засулич, публично стрелявшую в питерского градоначальника Трепова. Несмотря на явный политический мотив, Засулич решили судить судом присяжных как обычную уголовницу. То есть, как и в деле с покушением на Курихина, просматривалось явное желание прокуратуры и следствия затушевать истинный мотив покушений. В результате возник диссонанс между мотивом официально декларированного обвинения и фактическими обстоятельствами дела. И, как следствие этого несоответствия, итогом процесса стал оправдательный вердикт.

«Д.Т.В.», или Обаятельное коварство профессора-адвоката Холоденко

Здесь, казалось бы, самое время завершить разговор о вердикте и приступить к рассказу о людях и обстоятельствах, выясненных в ходе предварительного и судебного следствия. Или, наоборот, оставшихся за кадром данного уголовного дела, дабы не портить избранную тактику обвинения и состав статей УК, вмененных подсудимым. Но, к сожалению, вынужден немного повременить с изложением подробностей из-за необходимости поведать правду о событиях, произошедших в три последних дня процесса и предшествовавших оглашению вердикта. Сделать это необходимо именно сейчас, по горячим следам, как минимум, по двум причинам.

Первая: адвокат Валерий Холоденко в беседах с коллегами не скрывает, что к настоящему времени уже имеет в своем активе восемь (!) серьезных

В первом ряду – известный профессор-адвокат Валерий Холоденко (слева), заявивший ходатайство о приобщении к материалам дела записки из мусорного бачка, и потерпевший Александр Ермолаев (справа)

моментов, которые смогут стать железным основанием для отмены приговора, основанного на оправдательном вердикте присяжных.

Вторая: в последнее время в аффилированных с Курихиным СМИ (см., например, «Взгляд-инфо» от 23.08.2013 года) появились публикации, направленные на дискредитацию не только вынесенного вердикта, но и отдельных членов коллегии. Нечто подобное наблюдалось и в 2007 году, когда присяжные оправдали главу Саратовского района Стефаниду Тимохину, обвинявшуюся в получении взятки. В то время также появлялись материалы с информацией о прежних прегрешениях и административных правонарушениях некоторых из членов коллегии. Однако на этот раз досталось и председательствовавшему на процессе судье Алексею Егорову. Журналисты «Взгляда» обвинили одного из самых опытных и уважаемых судей Саратовского облсуда в умышленном создании ситуации для вынесения оправдательного вердикта с использованием служебного положения и паранормальных методов. А именно — в переводе в основной состав коллегии некой дамы, обладающей экстрасенсорными способностями. И не просто обладающей, но и «имеющей своих поклонников в жанре экстрасенсорики». К заметке под названием «Группа поддержки. Почему присяжные оправдали подсудимых по делу о покушении на Сергея Курихина?» мы обратимся чуть позже. А пока о последних днях процесса перед оглашением вердикта. На мой взгляд, вероятные основания для последующей отмены приговора адвокат Холоденко произнес и придал им обличье процессуальных нарушений именно в эти дни.

Итак, утром 14 августа процесс вступил в завершающую стадию. После предварительного обсуждения судья Егоров должен был подготовить окончательный вариант списка вопросов, на которые предстояло ответить коллегии присяжных. Затем председательствующий должен был произнести напутственное слово, а участники процесса — высказать свои замечания на него. После коллегии из 12 основных присяжных должна была удалиться в совещательную комнату для вынесения вердикта. При этом в случае, если

присяжные пришли к единодушному мнению, они могут отразить это в вердикте — выйти из совещательной комнаты для оглашения своего решения. В случае же расхождения во мнениях — искать согласие и убеждать друг друга. По истечении трех часов при отсутствии согласия присяжные имели право приступить к голосованию, с помощью которого определить ответы на поставленные перед ними вопросы. Таковы требования закона, их председательствующий обязан назвать в своем напутственном слове.

Однако когда судья Егоров готовился зачитать список вопросов, адвокат Валерий Холоденко, действуя от лица своего доверителя, огласил ходатайство Сергея Курихина с просьбой возратить уголовное дело прокурору для возбуждения уголовного дела в отношении другого потерпевшего — Андрея Белова. Ходатайство обосновывалось ссылками на показания киллера Платцына.

В принципе, закон допускает возможность возвращения уголовного дела прокурору в случае, если в обвинительном заключении или обвинительном акте обнаруживаются какие-либо существенные противоречия либо фактические ошибки, не позволяющие вынести обоснованный приговор. Имеются и некоторые иные основания для возвращения уголовного дела, предусмотренные статьей 237 УПК РФ. Но в данном случае ни одно из этих оснований и «близко не лежало» с целями, обозначенными в ходатайстве. Удивительно, что Холоденко не попытался убедить своего клиента не выставлять его в глупом виде на публичном и резонансном процессе. Либо Сергей Курихин и его адвокат преследовали ходатайством и его прогнозируемым последующим отклонением какие-то иные цели. Спрашивается, не была ли этой целью подготовка оснований для последующей отмены приговора?

Но тогда получается, что Сергей Курихин знал об «оправдательных настроениях» в коллегии присяжных еще до того, как те удалились в совещательную комнату? Одно ясно: абсурдное ходатайство стало лишь первым неприятным сюрпризом из тех, что ждали участников процесса и коллегию присяжных.

После оглашения напутственного слова 12 членов основной коллегии удалились в совещательную комнату, а четверо запасных присяжных (три женщины и один мужчина) остались ожидать вынесения вердикта вместе с остальными участниками процесса и журналистами.

Из совещательной комнаты с готовым вердиктом присяжные вышли спустя четыре часа, когда рабочий день в областном суде близился к завершению. Старшина присяжных передала вердикт судье Егорову, и тот погрузился в его изучение. Обычно, если вердикт содержит какие-то описки, недописки или противоречия, он возвращается присяжным для устранения огрехов. При этом судья указывает, что и в каком вопросе надлежит откорректировать. Подобную процедуру можно считать обыденной. Но в данном случае события стали развиваться иначе. Судья Егоров заявил, что находит представленный ему вердикт неясным и противоречивым, и он мог бы уже сейчас вновь отправить присяжных в совещательную комнату хотя бы потому, что они не указали в вердикте результаты голосования по 7-му вопросу. Но поскольку логических нестыковок в вердикте гораздо больше, он должен его спокойно осмыслить.

После чего до утра следующего дня был объявлен перерыв, и судья Егоров вместе с текстом вердикта удалился к себе в кабинет.

Утром, как и было обещано, судья огласил указания по корректировке вердикта. Тем не менее, то ли присяжные его не поняли, то ли в ходе «работы над ошибками» опять забыли о чем-то важном, но только уходить в совещательную комнату им придется еще не раз. 15 августа окончательно доработанный вердикт так и не был оглашен. Все это время участники процесса томились в тягостном ожидании. Адвокаты, секретари судебного заседания, государственный обвинитель Ольга Чернова и одна из запасных присяжных, довольно милая молодая дама, частенько высказывали выкурить сигаретку на крыльцо перед зданием областного суда. При этом никто никакого подвоха в этих совместных перекурах не видел и пресечь их не пытался, ведь коллегия находилась в совещательной

**Судья Алексей Егоров
ввел в основной состав
присяжных даму-
экстрасенса и выступил
против собрания
сплетен участниками
процесса**

комнате и вот-вот должна была вынести вердикт, на который никто повлиять не мог. Так, по крайней мере, казалось.

Правда, во время этого вынужденного ожидания было и несколько настораживающих моментов. Когда я и потерпевший Александр Ермолаев спокойно беседовали в судебном холле, к нам подошла государственная обвинительница Ольга Чернова. Мило извинившись, Ольга Владимировна увела Александра Анатольевича для конфиденциальной беседы. В принципе, государственная обвинительница и потерпевший являются процессуальными союзниками. И то, что в ходе судебного следствия у них могут возникнуть темы для беседы, не предназначеной для посторонних ушей, вполне нормально. Однако в данном конкретном случае судебное следствие было уже закончено, а присяжные находились в совещательной комнате. Какие же на данном этапе могут возникнуть тайны?

День 16 августа начался с очередного сюрприза. Выяснилось, что за два предыдущих дня коллегия так и не смогла выработать логически стройного вердикта, который бы устроил судью Егорова. К тому же, из членов коллегии неожиданно «выпал» один из постоянных присяжных — молодой мужчина весьма интеллигентного вида. По официальной версии, его руководители потребовали, чтобы он незамедлительно вышел на работу и приступил к своим обязанностям. В результате судья был вынужден произвести замену: вместо выбывшего присяжного Дениса Ефремова в состав коллегии была введена запасная присяжная Татьяна Балашова — та самая милая дама, частенько выходявшая покурить на судебное крыльцо. Меня эта новость не особенно вдохновила, поскольку накануне я видел, как г-жа Чернова и г-жа Балашова во время совместного перекура что-то довольно эмоционально обсуждали. И это обстоятельство было чревато самыми непредсказуемыми последствиями для результатов судебного процесса.

Так или иначе, но утром 16 августа коллегия в новом составе удалась для вынесения вердикта. Он был готов приблизительно к 15-ти часам. Однако судья Егоров вновь нашел в нем небольшую нестыковку и отправил присяжных ее устранять. И лишь ближе к 16-ти часам председательствующий

счел вынесенный вердикт стройным, логичным и достойным оглашения.

Однако сразу же огласить вердикт не получилось — из уст адвоката Валерия Холоденко на суд обрушилась череда ходатайств. И судебное заседание стало асимптотически приближаться к формату юмористического ток-шоу. Вначале Валерий Дмитриевич заявил отвод присяжной Балашовой на основании, что накануне та курила совместно с адвокатом Шарова Ларисой Гаулейко и при этом просвещала ее о настроениях, преобладающих среди присяжных. По словам Холоденко, Гаулейко якобы поинтересовалась у Балашовой судьбой своего подзащитного и якобы получила обнадеживающий ответ: «Не волнуйтесь, все будет нормально!». При этом некурящий Холоденко пояснил, что передает этот разговор со слов корреспондента «Взгляда-инфо» Алексея Овчинникова, который вроде бы при этом разговоре присутствовал, все слышал и может подтвердить.

Ходатайство было оставлено без рассмотрения на том основании, что судебное следствие завершено, а потому ходатайства об отводах на данном этапе не рассматриваются. Холоденко не успокоился и заявил еще несколько ходатайств: об отводе судьи Егорова из-за его некомпетентности и о возобновлении судебного следствия. Первое было оставлено без рассмотрения, второе отклонено. И это при том, что государственной обвинительнице Ольге Черновой, предварительно посоветовавшись с прокурорским начальством, поддержала Холоденку в намерении возобновить судебное следствие!

Как выяснилось вскоре, возобновление судебного следствия понадобилось уважаемому профессору уголовного процесса, чтобы заявить ходатайство об отводе и роспуске всей коллегии присяжных. Судья Егоров разъяснил Холоденку, что данное ходатайство не основано на требованиях закона. Холоденко возразил, что у него есть основания сомневаться в беспристрастности присяжной Татьяны Деминой, которая пыталась установить контакт с адвокатом Михаилом Майоровым Дмитрием Романовым. После этих слов терпению судьи пришел конец. Председательствующий убедительно и очень корректно попросил представителя депутата Курихина прекратить собирать сплетни на территории Саратовского областного суда и его окрестностей.

В свою очередь, адвокат-профессор Холоденко не согласился, что он собирает исключительно сплетни. И доказал это и судье Егорову, и остальным присутствующим заявлением очередного ходатайства. Валерий Дмитриевич попросил суд приобщить к материалам дела записку, которая, по его словам, была извлечена из мусорного бачка. На записке имелся номер какого-то телефона и буквы «Д.Т.В.». При этом Холоденко предположил, что указанный номер телефона принадлежит присяжной Деминой Татьяне Валентиновне. И именно с помощью этой записки присяжная Демина пыталась выйти на связь с адвокатом Дмитрием Романовым. Правда, было не совсем понятно: если Демина заранее продемонстрировала свою пристрастность и ангажированность, почему надо распускать всю коллегия? Но, слава Богу, «Взгляд-инфо» ответил на этот вопрос и развеял мое недоумение. Оказывается, Татьяна Валентиновна Демина не просто предвзятая присяжная, но еще и отличный экстрасенс. Видимо, это она сумела приворожить к Майорову подавляющее большинство членов коллегии.

Из той же публикации на «Взгляде-инфо» желающие могли узнать, что некоторые из присяжных имеют собственные «скелеты в шкафу». И они, то есть «скелеты», вполне могли повлиять на вынесение оправдательного вердикта. В частности, в статье «Группа поддержки» сообщается, что «в состав кандидатов в присяжные была включена гражданка, ранее привлекавшаяся к уголовной ответственности (ст. 317 УК РФ). В связи с ее деятельным раскаянием, хотя это не является реабилитирующим основанием, производство по уголовному делу было прекращено».

Изменила ли в процессе отбора упомянутая дама свой статус и перешла ли из кандидатов в полноценные присяжные — из приведенной статьи понять невозможно. Равно как невозможно понять, почему прекращается уголовное преследование по преступлению, за которое предусмотрено до 25 лет лишения свободы и даже смертная казнь. Однако за этой странной недосказанностью проглядывается смачное ведро помоев, которое невзначай выливается на коллегия присяжных заседателей.

И еще одна цитата из упомянутой статьи:

«Или как объяснить тот факт, что в состав коллегии входил сторож, который в годы своей бурной молодости успешно трудился на поприще милицкого сыска? Со службы ему пришлось уйти из-за «зеленого змия». Человек, уволенный из органов на пике карьеры, да еще и по такой причине, вряд ли испытывает симпатии к правоохранительной системе, что не могло не сказаться на принятии вердикта по рассматриваемому делу».

В состав коллегии действительно входил пожилой мужчина. На вид ему было далеко за 60. Подумайте, могли ли сказаться на отношении этого присяжного к подсудимым обстоятельства его личного увольнения, имевшего место лет эдак 30-40 назад?

Изложенного выше, думаю, вполне достаточно, чтобы читатель сам разобрался в мотивации присяжных при вынесении вердикта по делу о покушении на Сергея Курихина.

(продолжение следует)